

Евгений ВЕСНИК:

Моск. правда - 1993 - 16 янв. - с. 7

Мои друзья - все те, кто думает одно, а говорит... то же самое

— Вчераше вам исполнилось 70 лет! Какое у вас настроение? Какие планы?

— Несмотря на солидную сумму, когда будущее, в общем-то, позади, планы теплятся. К «юбилею» (слово беру в кавычки, потому что не люблю его, уж больно много «юбилеев» этих было липовых, неискренних, фарисейских) выходит моя книга в издательстве «Вагриус». В один из московских академических театров я приглашен на постановку спектакля, возможно, и роль в нем сыграю. Предстоят концертные поездки, съемки в кино и работа над новой книгой... Параллельно с рабочими планами — рыбалка, помогающая поддерживать здоровье и тонус.

О том, как живется, не хочется говорить банальности, не хочется трепать достаточно уже потрепанные слова. Скажу так: живется с ощущением участия в каком-то непрерывном заседании — с утра до ночи... Если раньше говорилось, что «сила хлеба в том, что он открывает рот любому», я теперь добавляю: «А отсутствие такового заставляет говорить любого». Какой-то бес разгулялся!

Ведь нашего брата-артиста, который призван говорить и трактовать не свой текст, а написанный драматургом, поэтом, прозаиком, бес этот тоже попутал... Ну, как объяснить, например, желание режиссера решать одновременно судьбу и театра, и страны, и проблемы философии, литературы, политики, экономики и даже тела Ленина. Как объяснить, скажем, присутствие красивой, элегантной женщины — актрисы на заседаниях редколлегий более десятка журналов, газет, нескольких спортивных федераций, вплоть до бильярдной. Как объяснить совмещение очень многих почетных должностей одним и тем же артистом? Да очень просто: бес попутал!

— Евгений Яковлевич, вы — сын репрессированных родителей. Расскажите о них.

— Сейчас немодно говорить о том, что родители были героями гражданской войны, кавалерами прежних орденов, что носили высокие воинские звания и т. д., и т. п. Тем не менее не могу не сказать об отце как о революционере, о матери как об инициаторе Всесоюзного движения жен инженеров — технических работников за улучшение быта трудящихся. Маленькая деталь: мама окончила консерваторию и была певицей. Отец был кавалером двух орденов Красного Знамени и ордена Ленина. Расстрелян в 1937 году. Мать — кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Сослана на 18 лет без предъявления обвинения как жена врага народа. Я же, оставшись в 14 лет совсем один, чудом спасшийся от детских концлагерей, зная, что представляют собой мои родители — истинные патриоты своей страны, уже в 1937 году понял, в какой стране я живу.

Кровь стынет при мысли о том, что на пенсии до сих пор живут припеваючи те, кто пытал, расстреливал тысячи людей. Жив, наверное, и тот, который писал в лицо ученому, поставив его на колени, как пишет об этом Солженицын. Уму непостижимо! А еще удивляемся: откуда зверства, злодеяния, дьяволищина? Откуда! Из страны сидевших и сажавших! Из страны, в которой сажавшие совершали куда более серьезные преступления, чем преступники, не говоря уже о невинных!

— Не мрачно зато ли мы начали юбилейное интервью?

— Да нет, по-моему, нет. Я считаю, что человек ни при каких обстоятельствах не должен терять чувство юмора. Вы знаете, это удивительно! Например, на войне самые смешные истории, анекдоты, частушки рождались в минуты наибольшей, порой смертельной опасности для жизни. Единственный анекдот, который я придумал за всю свою жизнь, был рожден в полевом госпитале, где я лежал вместе с фронтовиками разных поколений. Мне шел 21-й год.

— А что для вас война?

— Мы воевали за Рай. Рая — нет! Он может быть, если партия коммунистов покается в старых и нынешних грехах, если станут известны все фамилии бывших сексотов, делавших

зло, если ликвидируют кладбище на Красной площади, отдадут крестьянину землю и если найдут возможность поставить заслон преступникам, то моралью и этикой станет Нагорная проповедь Христа. Война дала совершенно безапелляционное понимание того, что она не должна никогда и нигде возникнуть. Вот и все.

— А почему вы ушли из Малого театра?

— Я бегу от уютной жизни и сам себе создаю препятствия. Мне вспоминаются слова Гоголя: «Мы видим одни только препятствия, не замечая, что они-то суть наши ступени восхождения!».

— И не скучаете по театру?

— О! Еще как! Но по тому Малому театру, в котором блистали Великие мастера, в котором я учился у Великих мастеров и имел счастье с некоторыми из них даже пребывать на сцене! Я скучаю по такому театру, который являл бы собой труппу истинных единомышленников!

— Вы были октябреньком?

— Нет.

— А пионером?

— Нет.

— А комсомольцем?

— Нет.

— А членом партии? Вы ведь народный артист СССР?

— И в партии не был. Так что, как видите, я чист перед Богом!

— А роли коммунистов играли?

— Играл, и с огромным творческим наслаждением, так как всякий раз ломал, буквально ломал заштампованный «многозначительный» облик партийца. А если и позволял себе краску многозначительности, то только для того, чтобы от образа веяло тупоумием, ограниченностью. Ведь что такое многозначительный, напыщенный человек? Дурак — вот и вся премудрость.

А сколько артистов, посредственных артистов, сделали себе карьеру на ролях «многозначительных» партийцев, на амплуа «многозначительный м...к». Максим Максимович Штраух, один из исполнителей роли Ленина, рассказывал о семинаре, который он проводил с 200 исполнителями роли Ленина: чувашами, евреями, казахами, грузинами, таджиками, узбеками, корейцами и т. д. В антракте продавались готовые носы, подбородки, парики, лбы Ленина. И все 200 человек были членами горкомов, крайкомов партии, у всех были самые лучшие квартиры, черные служебные машины, большие оклады, «задние проходы» в распределители, льготы, привилегии... Бесовщина какая-то! А играли Ленина, за исключением больших артистов-художников, как правило, плохо. А плохо играющий артист, то есть не нашедший художественного решения образа (любого), не обретший естественности и органичности в сценическом поведении своем, не может вызвать у зрителя ни симпатии, ни тем более сопереживания. А неприязни сколько угодно! Неприязнь и Ленин! Никто не обращал на это внимания! Главное — на сцене Ленин, и все. Главное, чтобы «Ленин» был уверенным в себе бодрячком, картавил и держал бы большой палец за жилетку!!!

Наиболее приемлемое для меня художественное решение образа Ленина принадлежит Юрию Каюрову в кинофильме «Шестое июля», в котором я впервые увидел Ленина уставшим, болезненным человеком, которому руководство переворотом дается с большим трудом.

— А как вы создавали образ коммуниста?

— В пьесе Алексея Симукова «Девочки-красавицы», шедшей на

сцене Драматического театра им. Станиславского, я играл освобожденного парторга крупного завода. На моем письменном столе вместо нескольких телефонных аппаратов стояла бутылка с кефиром, ваза с домашними пирогами, которыми я угощал всех, приходивших ко мне в кабинет. Сидел я за столом в рубашке без галстука, пиджак был повешен на спинку стула. Спектакль игрался в самом начале пятидесятых годов, и легко себе представить, какое впечатление на зрителей производили мои движения навстречу входившим в кабинет, беседы с посетителями не за официальным столом, а за журнальным, угощение собеседника чаем, заваренным мною — парторгом. Вот такое простое, нормальное, лишенное партийной «многозначительности» человеческое поведение вызвало шквал положительных рецензий. В них мое исполнение было названо «новым решением образа партийного руководителя»! Это доставило мне наслаждение, ибо было свидетельством того, что все-таки хоть полкирпичика я выбил из стенки заштампованного образа привычного большевика-мессии!!!

— Как сложились ваши отношения с кинематографом?

— Отношения сложные. Сыграно очень много разных ролей, старался не повторяться. Роли маленькие, средние, большие, смешные и несмешные, серьезные и даже трагические, но сказать, что я удовлетворен работой в кино, — не могу. Под словом «кино» я подразумеваю и телевизионные ленты. Надеюсь, что все впереди, хотя в моем возрасте, как я уже говорил... Меня очень обогатили встречи с кинорежиссерами Ю. Райзманом, И. Пырьевым, Э. Гаринным, С. Юткевичем, Г. Панфиловым, В. Бортко, А. Гайдаем. Мне кажется, что роли, сыгранные в их картинах, самые серьезные из всех. Была чрезвычайно полезной, по многим аспектам, встреча с А. А. Гончаровым в работе над телефильмом «Кола Брюньон».

— Кто ваши друзья?

— Все те, кто думает одно, а говорит... то же самое. Если я и не знаю кого-то из таких — все равно он мой друг. Легко понять, что друзей среди занимающихся политикой у меня быть не может.

— Совсем недавно отмечалась круглая дата — 70-летие Анатолия Дмитриевича Папанова. Вы были очень дружны, работали в одном театре и поэтому не могли бы вы подробнее рассказать о его статье «Универсализм», в которой он упоминал и ваше имя.

— Все, что касается Анатолия Папанова, вызывает у меня чувство печали и радости. Печали — потому что его нет с нами, нет его, когда, ох, как нужны такие, как он, — настоящие труженики, фанатики своего дела, истинные художники. А чувство радости испытываю при воспоминании о нем, потому что связаны они только с добром, юмором, фантазерством, импровизациями, непрерывными разговорами о профессии, театре, ролях... Наши судьбы схожи во многом; родились мы с интервалом в 2,5 месяца. Я его называл «дедушка», а он меня — «сопляком»... Оба мы фронтовики, оба были ранены, были очень близки в выборе артистов-кумиров и любимых спектаклей, оба любили побалагурить в застолье, редко проводили время врозь, сыграли очень много спектаклей как партнеры, выступали с концертными программами на престижных эстрадах, снимались вместе в кино- и телефильмах, звучали по радио, оба сопротивлялись настоятельным приглашениям вступить в строй коммунистов. Короче говоря, хорошо знали друг друга, и, наверное, поэтому в упомянутой

вами статье он вспомнил и меня, так же, как я, неоднократно, при любом случае, с трепетом душевным вспоминаю дорогого моему сердцу Толю Папанова. В статье он излагает свои мысли о необходимости для артиста быть универсальным. Я разделяю его точку зрения. Артист должен уметь все, что входит в сферу его возможностей. Голос, мимика, темперамент, пластика, ритм, темп, непосредственность, обаяние, заразительность — вот неполный набор «инструментов», посредством которых артист должен быть всегда выразительным. Вариации этих средств, разные жанры и стили должны быть равно доступны всякому артисту — таково кредо Папанова. Что за сапожник, который умеет только забить гвоздь? Что за летчик, который может только поднять самолет? Что за артист, который может, скажем, только кривляться, или только кричать, или только медленно говорить, или только играть «многозначительных м...ков». Спасибо, что Анатолий Дмитриевич в свое время упомянул меня как артиста универсального. Горжусь!!!

— Расскажите какую-нибудь смешную историю, связанную с Папановым.

— С удовольствием. Очередная репетиция моей инсценировки романа Ильфа и Петрова в Театре сатиры. Постановщики: Эраст Гарин и его супруга Хеса Александровна Локшина. Папанов — Воробьянинов, я — Остап Бендер. Анатолий предлагает после репетиции «согреться». Не хватает до полного счастья рубля. Одалживаю у Хеси Локшиной. Благотельница, узнав, на что будет истрачен этот рубль, просит взять ее в компанию, так как чувствует себя тоже простуженной. Легко соглашаемся, потому что потеря наверняка будет невелика: женщина она хрупкая, болезненная, с плохим аппетитом. Репетиция окончена. На «грехопадение» собрались в гримерной Анатолия. Разливается принесенное зелье... поровну! Хрупкая благотельница не спеша, спокойно расправляется со своим сосудом, элегантно вытирает платочком губы и, не приоткрывшись к бутербродку, поблагодарив за угощение, покидает двух здоровых битюгов, заставших со стаканом в руках. На выразительном лице Папанова появляется мина, одновременно напоминающая чем-то и волка, и зайца из «Ну, погоди!», и он шепотом, с хрипотцой говорит: «Рубль — не отдавай!».

— Теперь блиц-вопросы: ваша любимая роль в театре?

— Любимых и нелюбимых ролей для профессионала быть не должно. Нелюбимые роли уважающий себя артист играть не должен. Должны быть удавшиеся и неудавшиеся роли.

— Мейерхольд однажды сослался на слова одного французского актера: «Душа — вот первое актера, второе — интеллект, третье — искренность и теплота исполнения, четвертое — изысканный рисунок телесных движений». А что для вас главное при создании сценического образа?

— Ничего себе блиц!!! Отвечаю: душу, интеллект, искренность и теплоту исполнения, изысканный рисунок телесных движений — все это направить на как можно более глубокое проникновение в суть роли.

— Самый богатый улов рыбы?

— 5 кг 700 г — сазан в Амуре, в Комсомольске. 1 м 12 см (есть фото) — катран в Черном море. Катран — черноморская акулка, которая, как написано в аннотации Крымской флоры и фауны, «совершенно не интересуется человеком». И в Рублеве, под Москвой, — маленький ершик, с полмизинца, клонувший на червяка, превосходившего его по длине в три раза (жадность фрайера сгубила).

— Любимый напиток и любимое блюдо?

— Капустный рассол, водка и... валокордин. А еда? Вы не поверите — ...картошка.

— Любимая женщина?

— Жена и Симона Синьоре.

— Идеал мужчины?

— Андрей Старостин, Иван Переверзев, Виталий Доронин и... я (извините).

— Любимая газета и любимое издательство?

— Если опубликуют это интервью, — «Московская правда», если напечатают мою книгу, — издательство «Вагриус».

Е. ТОЛМАЧЕВА.